

РЕЦЕНЗИЯ НА СБОРНИК ДОКУМЕНТОВ «ЧЕЛЯБИНСКАЯ ГУБЕРНИЯ, 1919—1923 гг.: АБРИС ИСТОРИИ»¹

В. С. Кобзов,

*Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил
«Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина»,
филиал в г. Челябинске, г. Челябинск, Российская Федерация*

Сборник документов «Челябинская губерния, 1919—1923 гг.: абрис истории», составителем и научным редактором которого выступил ведущий археограф Объединенного государственного архива Челябинской области М. А. Базанов, посвящен начальным годам существования самостоятельной территориально-административной единицы — Челябинской губернии в границах 1919—1923 гг. Помещенные в издание документы и материалы раскрывают процесс становления советских органов управления, партийных, комсомольских и профсоюзных органов. Освещается разноплановая деятельность губернских структур по налаживанию мирной жизни в освобожденных от войск адмирала А. В. Колчака районах Южного Урала. Значительное место уделено реализации социальной и экономической политике в городах и в сельской местности, становлению правоохранительных органов, органов культуры и образования, религиозной политике. Сборник предварен обзорной статьей, подготовленной доктором исторических наук профессором И. В. Нарским, снабжен картой и подстрочным биографическим указателем.

Ключевые слова: сборник документов, материалы, Челябинская губерния, органы управления, социальная политика, продовольственная разверстка, повстанческое движение.

Сборник документов, составителем и научным редактором которого выступил ведущий археограф Объединенного государственного архива Челябинской области кандидат исторических наук М. А. Базанов, стал без преувеличения, событием уходящего года. В июле 2019 г. исполнилось столетие со дня разгрома в районе Челябинска наиболее крупной и боеспособной группировки войск адмирала А. В. Колчака. Части 5-й Красной армии прорвались в Западную Сибирь и, ломая один за другим очаги обороны, взяли ее столицу — Омск. Для новой власти это означало возможность налаживания мирной жизни в важном промышленном и аграрном отношении регионе Республики. Для окончательной победы в гражданской войне крайне необходимо было задействовать богатый потенциал Урала, направить на борьбу с противником его материальные и людские ресурсы, обезопасить тыл от повторения событий весны — лета 1918 г., когда недовольные проводившейся социально-экономической политикой большевиков рабочие, крестьяне и казаки приняли участие в свержение советской власти.

Одним из мероприятий, направленных на достижение поставленной цели было разделение Оренбургской губернии с проживавшим на ее территории казачеством, на две самостоятельные административно-территориальные единицы. Таким образом, первоначально планировалось создать некий самостоятельный «Челябинский район», затем созрела идея образования одноименной губернии. Процесс создания и становления губернских структур и их разноплановую деятельность и раскрывают

документы подготовленного челябинскими архивистами нового сборника.

Было бы неверным утверждать, что составитель и члены редакционной коллегии, помогавшие в подготовке к изданию сборника, извлекли из недр хранилищ ранее неизвестные материалы. Сборники документов, раскрывающие те или иные аспекты истории Челябинской области, издавались с завидной частотой. Среди них своей фундаментальностью особо выделяется изданный в 1961 г. сборник «Челябинская губерния в период военного коммунизма (июль 1919 — декабрь 1920 г.) Документы и материалы». Редко кто из исследователей советского периода истории, обошел его вниманием, поскольку он содержал разноплановые источники, раскрывавшие практически все основные направления работы партийно-советских органов губернии. Единственным серьезным недостатком советского издания была его политическая односторонность — все процессы раскрывались с исключительно позиций правящей партии — РКП (б).

Составителю нового сборника документов, удалось избежать этого недостатка. Далеко не все из них увидели свет впервые, часть публиковалась неоднократно. Тем не менее, составителю удалось так подобрать ряд, что опубликованные в издании 1961 г. и новые документы не только не дублируют друг друга, но и дополняют и еще более расширяют наши представления о протекавших событиях и процессах. Кроме того, архивисты отказались от размещения на его страницах материалов периодической печати по той причине, что они сегодня доступны в цифровом формате.

¹ Челябинская губерния, 1919—1923 гг.: абрис истории : сб. док. / сост. и науч. ред. М. А. Базанов. — Челябинск, 2019. — 647 с. : ил.

Внутренняя структура представленного издания тщательно продумана и логически обоснована. Он снабжен предисловием, обзорной статьей, подготовленной известным челябинским исследователем доктором исторических наук профессором И. В. Нарским. Документы распределены по четырем частям. Материалы его первой части: «Политическая жизнь и административные преобразования», раскрывают процесс создания органов управления губернии, восстановление советских, партийных, комсомольских и профсоюзных организаций, проводившиеся практически непрерывно территориальные изменения. При этом, акцент сделан не только на позитивных примерах, но и приводятся свидетельства, раскрывающие недостатки и злоупотребления со стороны руководящих работников, серьезные просчеты в определении социальной политике в условиях продолжавшейся гражданской войны. В научный оборот впервые введены документы чрезвычайных органов, в частности губернской Чрезвычайной комиссии, раскрывающие реальное политическое положение в регионе.

Значительное место на страницах нового сборника уделено и крайне болезненному для советских исследователей вопросу — социальной политике пролетарской власти в деревне. Раскрывающие ее материалы второй части «Советская власть и деревня: продовольственная политика, голод, повстанческое движение» убедительно показывают, что взятый в отношении деревни курс был продуман и направлен на подавление любого сопротивления проводившимся мероприятиям советской власти.

Непосильные задания продразверстки не могли не привести к вспышке стихийного народного сопротивления. И если прежде это сопротивление квалифицировалось не иначе, как «политический бандитизм» т. е. сознательное и идейное противодействие власти, то теперь оно названо повстанческим движением, что более полно отражает суть происходивших процессов. Приведенные документы убедительно свидетельствуют — казаки и крестьяне выступали не против советской власти как таковой, а протестовали против бездумного и беспощадного выкачивания хлебных и иных запасов из уральской деревни. Причем, зачастую, у сельских тружеников изымались не излишки, а почти все наличные запасы хлеба, включая семена и фуражные запасы зерна. Вопреки устоявшемуся мнению, под удар разверстки попадали не только зажиточные слои (так называемые кулаки), но и сельские пролетарии, включая и семьи красноармейцев.

Политические сводки губЧК беспристрастно фиксировали реакцию населения на действия властей и продотрядов. Митинги против проводившегося курса, вооруженные нападения на продотряды, разгромы ссыпных пунктов — все это ярко свидетельствовало о назревшем кризисе доверия к власти. К слову сказать, проблеме продовольственной политике начального периода советской власти внимание уделялось и в прежние годы. Однако, утверждалось, что сельское население понимало необходимость выполнения заданий продразверстки, не смотря на начинавшийся в уральской деревне голод, сознательно сдавало «излишки», укрепляя тем

самым союз рабочих и крестьян. И большевики вовремя уловили переломный момент в его сознание, заменив разверстку продовольственным налогом, после которого селу стало жить существенно легче. В противовес этим голословным утверждениям, сводки о политическом положении в губернии, буквально кричали об обратном — сельское население считало продналог, еще более тяжелым бременем, чем продразверстку.

Политика военного коммунизма не только подвела советскую власть к новой вспышке гражданской войны, но и буквально стала причиной гибели сотен и тысяч жителей губернии от голодной смерти. Информационной бомбой для многих станут материалы второй части, раскрывающие детали и масштабы охватившего губернию голода 1920—1921 гг.

Общезвестно, неурожайные периоды для нашего края редкостью не являлись. Память о себе оставили неурожайные 1891—1893 гг., когда император Николай II выделил из собственных средств крупную сумму на ликвидацию последствий голода.

Лихорадило население Оренбургской губернии в 1901 и 1911 гг., но такого, что получили в начальные годы советской власти, прежде на Урале не знали. Приведенные документы буквально леденят кровь. Впервые в обозримый период времени, страдавшие от голода сограждане стали употреблять в пищу себе подобных. И этот эпизод истории прежде упорно замалчивался. Интерес представляют и материалы, раскрывающие деятельность в губернии структур АРА — Американской ассоциации помощи голодающим.

В третьей части «Социально-экономические и бытовые реалии жизни населения» немало внимания уделено и становлению силовых структур региона. Прежде составители документальных сборников стремились показывать их деятельность исключительно с позитивной стороны — щит и меч революции, рыцари без страха и упрека, защитники народа и т. п. На практике же, все было не так поэтично. Как вытекает из опубликованных материалов, южно-уральская милиция была раздета и разута, нередко ее руководители сами совершали уголовно наказуемые деяния. Особенно неприглядно выглядел уголовный розыск. Далека от совершенства была тюремная система, имелись серьезные просчеты в работе по преодолению детской преступности и беспризорности, организации всеобщей трудовой повинности.

Знакомство с документами четвертого раздела «Религия, культура, наука», показывает неприглядную картину жизни населения. Власти стремились решить ряд актуальных проблем, в частности, ликвидировать неграмотность среди ряда категорий населения, распространить в его среде элементы новой пролетарской культуры. На фоне этой деятельности впервые предметно подобраны и документы, показывающие гонения на русскую православную церковь, ее служителей и верующих. Этот пласт региональной истории прежде скрывался под безликой вывеской антирелигиозной работы, невольно уводившей внимание исследователей в сторону от постигшей верующую часть населения, трагедии.